Гений мировой культуры

«При посещении Ясной Поляны замирает сердце — здесь жил и творил величайший русский писатель, гений мировой культуры, произведения которого останутся источником мудрости для новых и новых поколений».

Л. И. БРЕЖНЕВ

Вот уже больше века Ясная Поляна на устах у всего мира. С тех пор как Лев Николаевич Толстой начал печатать по главам свой бессмертный труд «Война и мир», интерес к творчеству его возрастал от поколения к поколению и достиг сегодня небывалых размеров. Толстой—первый среди писателей мира по числу издаваемых книг. Его идеи и мысли, глубина его художественного восприятия, могучий реализм подняли русского человека, русский характер до высоты обостренного внимания и интереса миллионов людей.

В последнюю предъюбилейную неделю мы побывали в Ясной Поляне, которая готовится к светлому дню своего бессмертного певца. Встретились с людьми, что едут, идут сюда, что живут здесь, и услышали душевные признания о Толстом.

ЗЕМНОЙ ЧЕЛОВЕК

Алексей Иванович Смирнов — коренной дальневосточник, строитель. Этим летом с семьей впервые путешествует по Европейской России. Дмитрий Иванович Галкин — бригадир тракторной бригады совхоза «Ясная Поляна». Только однажды он оставил эту землю и привычную работу на ней: когда ушел воевать за свободу ее и независимость. Игорь Петрович Чулков — главный врач яснополянской больницы, Герой Социалистического Труда, ученик академика Вишневского, прекрасный хирург. Он приехал сюда однажды, думая пожить короткое время. А остался навсегда. За тридцать лет его работы здесь больница стала практически филиалом Института хирургии имени Вишневского, местом частых теоретических и практических конференций по диагностике и лечебной хирургии.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ГАЛКИН:

— Мы земляки Толстого. Моя мать училась в Яснополянской школе. Ее первые праздники — весенние дни по окончании ученья в усадьбе Толстого, и первые в жизни подарки она принимала за старанье из его рук.

Мой отец любил вспоминать сенокосы, когда раннюю росную зарю встречали они в лугах — ясенские крестьяне и Лев Николаевич. В общем труде. Мой сосед, Иван Алексеевич Бугров, и сегодня расскажет, как к колодцу у деревни Грумант, откуда мы и сегодня воду пьем, любил приходить летом Толстой. Белая парусиновая рубаха тонким ремешком подпоясана, а на ремешке — кружка. Он ремешок расстегивает, кружку снимает, потом зачерпнет воды, выпьет и скажет: «Вкусная!».

Эта память — наша жизнь! От нее земля яснополянская красивее. Ведь мы одну с ним землю любим. И я думаю, Толстому как великому человеку, знавшему хорошо крестьянские заботы, было свойственно то понимание нашего уклада, которое он вложил в Платона Каратаева: стоило ему лечь, чтобы тотчас же заснуть камнем, а стоило проснуться, чтобы тотчас же, без промедления, взяться за какое-нибудь дело, как дети, вставши, берутся за игрушки. Хорошо сказал, точно, будто подглядел.

О великих людях часто говорят: земной человек. О Толстом я бы сказал, что он—человек, рожденный землей. Так знал ее, словно сам он — часть ее. Природа, говорил он, экономна своими силами: при наименьшем усилии достигает наибольших результатов. Ему удалось так прожить свою жизнь.

ИГОРЬ ПЕТРОВИЧ ЧУЛКОВ:

— Толстой любил говорить, что каждый должен знать четыре упряжки: труд умственный, труд физический, ремесло и общение с людьми. И все это не выдумано, это взято из его жизни. Толстой не только умел писать и мыслить, он умел косить, пахать, ежедневно занимался физическими упражнениями, ездил верхом. В его жизни было то необходимое сочетание умственного и физического труда, за которое мы сейчас ратуем. В таком духе он стремился воспитать и своих детей. Дети Толстого были физически крепкие, здоровые, у каждого было свое ремесло. Дочь его, Мария Львовна, была моим коллегой, она закончила фельдшерские курсы и лечила крестьян на радость отцу...

Я думаю, что, говоря об общении с людьми, Толстой думал глубже — он имел в виду служение людям. Посмотрите, в жизни скольких людей он принял участие! Причем участие живейшее, заинтересованное.

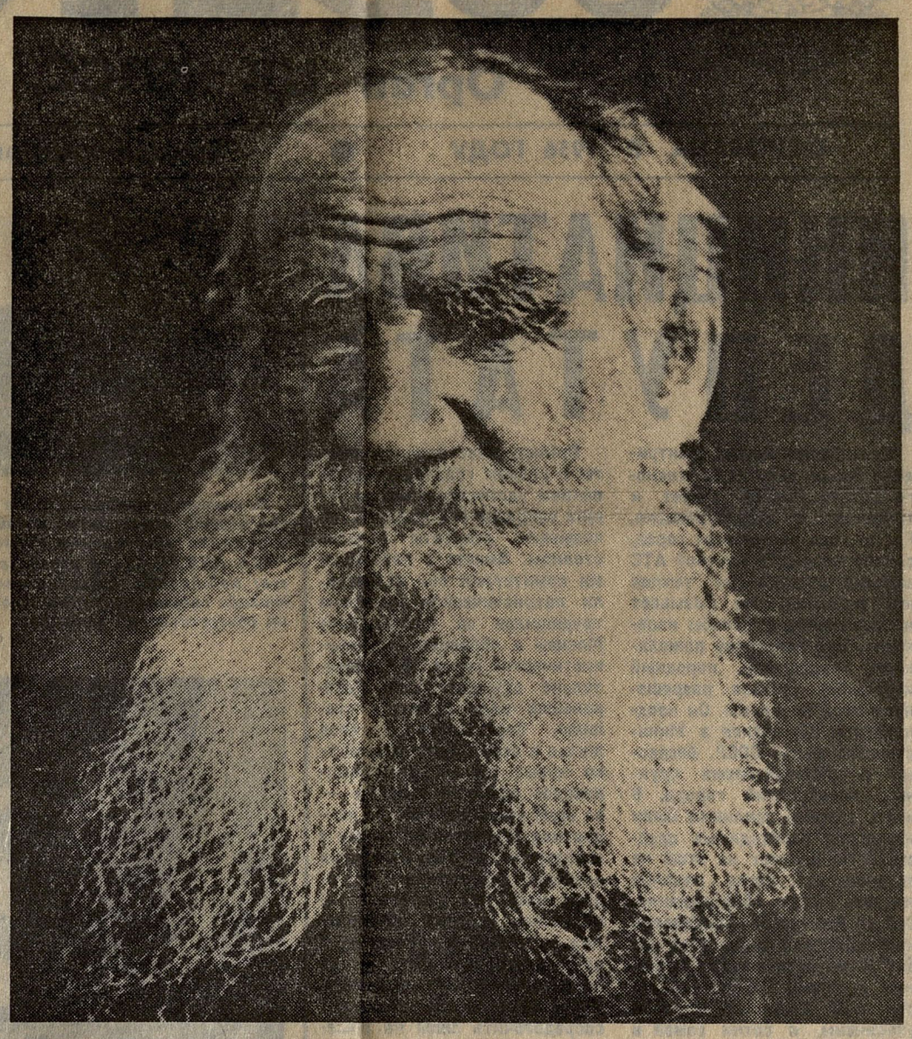
И если говорить о влиянии Толстого на меня, то оно выразилось именно в этом: мне хотелось посвятить себя служению людям. Профессия врача в этом смысле благодатная. Меня не смущало то, что Толстой сложно и противоречиво относился к медикам. Об этом я еще в детстве узнал от своего соседа, старого тульского врача В. А. Афанасьева, которому приходилось бывать в доме Толстых. Я тогда решил, что это было вызвано несовершенством медицины того времени. Толстому, например, три раза без наркоза вправляли сустав. Позже понял, что дело в другом. Система отношений врача и пациента была такой, что исключала бескорыстное служение. Врачи за прием брали деньги и шли только к богатым больным. Толстой не мог этого одобрять. Он был полон любви к народу, видел его труд и страдания. И, мне кажется, не случайно так повернулась моя судьба, что я оказался врачом именно в Ясной Поляне. Она всегда притягивала меня, и я счастлив, что живу здесь, что мой труд облегчает жизнь простых и прекрасных людей.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ СМИРНОВ:

— Здесь, в Ясной Поляне, я особенно почувствовал широту интересов Льва Николаевича Толстого. В его доме бывали люди из Америки, Австралии, даже один путешественник с острова Ява. Толстой и сам видел многие наши земли: бывал в Крыму, в Башкирии, самарских степях Поволжья.

А вот до Дальнего Востока не добрался. Раньше я об этом не думал, а в Ясной Поляне пожалел, что не довелось Толстому увидеть наш край. И земля наша красива своей особой красотой, а сибиряки и дальневосточники — народ особой крепости и особой стати. Думаю, не остался бы Толстой равнодушен к той великой работе русского человека, которая покорила и приспособила к жизни огромную неласковую Сибирь.

А вообще я рад, что приехал сюда. Я здесь увидел Толстого живым человеком. И выделил в нем одно: он был труженик. Это в любом человеке — главное.



УЧИТЕЛЬ

Любовь Федоровна Дудинова родилась и поныне живет в Ленинграде. Она воспитана этим городом, его живой памятью о Пушкине и Блоке, Гоголе и Достоевском. В Ясную Поляну она приехала с сыном. Для школьницы Вики Кочетковой Толстой начинался прямо за порогом родного дома—она родилась на земле, освященной его гением. Фаина Андреевна Соколова вот уже тридцать лет учительствует на этой земле. В своей работе она придерживается педагогики Толстого, основанной на любви к труду и земле. Она делает то, о чем мечтал он: ведь в детском доме, помимо знаний, дети получают материнскую долю любви и заботы.

ЛЮБОВЬ ФЕДОРОВНА ДУДИНОВА:

— Приехав в родной дом Толстого, я впервые в жизни так полно открыла для себя уклад яснополянской жизни. В обилии картин, фотографий, милых, так много говорящих простых мелочей чувствуется, что в этом доме было когда-то и семейное счастье. И подумала, как это прекрасно — большая семья, как это сильно — родная кровь. С этого ведь начинается почтение к собственной родословной и к истории Родины.

Здесь, в Ясной Поляне, я вдруг поняла, почему так великолепно разнообразен круг героев Толстого и почему он так добр к ним. Потому что он их видел первоначально в дорогих лицах и откровенных сердцах своих близких, родных, друзей, гостей, которых всегда был полон дом. И для всех Толстой и тогда был учитель — крепкий, непримиримый. Это тоже узнаешь здесь.

Хочу еще сказать, что и к Пушкину, и к Толстому я приезжаю вместе с сыном. Ему двенадцать лет. Это возраст хорошей памяти и доверчивой восприимчивости. Именно в это время, мне кажется, человек должен почувствовать вечность прекрасного, открыть родники человеческого духа, ближе узнать духовных учителей. Я, например, очень надеюсь, что после этих поездок мой сын, несмотря на телевизор и прочее, облегчающее работу ума, больше полюбит книгу и захочет читать много и медленно. Тогда душа становится восприимчивей к добру, к правде.

ВИКА КОЧЕТКОВА:

— Одно дело — «проходить» Толстого, другое — читать его книги и дышать тем воздухом, что и он дышал, видеть ту же речку Воронку, которую и он видел, идти через усадьбу, где он жил, к засечным лесам.

В нашей школе работает краеведческий кружок, который занимается поиском материалов о жизни Льва Николаевича. Я занимаюсь в этом кружке, выбрала себе тему «Толстой и дети», и мне вместе с моими друзьями удалось даже отыскать двух участниц похода гульских детей, которые в 1907 году пришли к Толстому в Ясную Поляну. По рассказам их, я могу представить этот счастливый для них день. Толстой, отложив все дела, провел его с детьми, которых была чуть не тысяча! Наверное, он видел в них что-то важное для себя, для будущей жизни России.

ФАИНА АНДРЕЕВНА СОКОЛОВА:

— Уже в конце жизни, в дневниках 90-х годов, Лев Николаевич написал: чтобы раздуть в других, надо раздуть в себе искру огня. Современники называли Толстого учителем общества. Не только потому, что в своих книгах он последовательно излагал и отстаивал принципы высокой нравственности. В соответствии с этими принципами он стремился прожить каждый свой день.

Не случайно в моей учительской практике так много значит Толстой. Тридцать лет назад я приняла в Яснополянском детском доме своих первых воспитанников, осиротевших в войну. Шагами можно измерить путь от нашего дома к тому усадебному флигелю, где Толстой учил крестьянских сыновей грамоте, где составлял азбуки, учебники, доступные детям из народа. И основа педагогики Толстого — радость через труд, удовлетворение через труд, самоуважение через труд — стала и моей верой.

Помню тот день тридцатилетней давности, когда мои ребята впервые вошли в толстовские яблоневые сады. Они были прекрасны, они были освящены неизбывным деятельным присутствием живого Льва Николаевича. И нам всем одновременно захотелось посадить свой сад. Он вырос, он нынче стар и огромен, сад, согретый детством моих детей.

Когда мы праздновали свой тридцатилетний юбилей, один из гостей назвал наш дом «вторым чудом Ясной Поляны». Он сказал: это счастье, что есть такой дом. Многие мои дети теперь взрослые. И то, что они верны детству, что живут достойно, не боюсь сказать, нравственно — это награда не только мне, но и Толстому. За его великие труды в Ясной Поляне, ставшие для нас примером отношения к жизни.

ВЛАСТЕЛИН ДУХА

Галина Соколова — молодой инженер из Минска, человек счастливого, открытого характера и легкой восприимчивости. Вся ее жизнь еще впереди, и новые впечатления остро и тревожно входят в сердце, рождая зримый образ будущего. Владимир Петрович Тюрин вот уже несколько лет директор большой столовой в новом Севастопольском районе Москвы. Сергей Александрович Ярцев — коренной туляк, из семьи потомственных оружейников. Был конструктором многих проектов, приумноживших славу тульских мастеров, лауреат Государственной премии СССР.

Макото Токано, президент японской телевизионной компании «TV-Асахи», приехал в Советский Союз с деловым визитом в связи с предстоящей Олимпиадой-80.

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ТЮРИН:

— Я заново здесь открывал Толстого. К стыду своему, я, москвич, оказался в Ясной Поляне впервые, хотя интерес к Толстому был всегда и было большое желание его читать. Могу сказать, я был убежден, что для неспециалиста моих знаний о Толстом было вполне достаточно. Строй его мысли был для меня увлекателен и всегда пробуждал ответную мысль.

Толстой не только непревзойденный знаток характера и человеческой души. Он безупречен в знании и описании быта. Помните в «Утре помещика» — как все просто и ясно... В небольшой комнате, которую занимал Нехлюдов, стоял старый кожаный диван, обитый медными гвоздиками, несколько таких же кресел; раскинутый старинный бостонный стол с инкрустациями...

Меня прежде всего поразила скромность толстовского дома, если хотите, вещественная простота его жизни. И в этом мне видится не черточка, а черта, основа замечательной сосредоточенности Льва Николаевича.

У Толстого, теперь я в этом убежден, требовательная духовность была единственной главной линией на всю жизнь.

В согласии с его последней волей он похоронен в лесу. Простой могильный холм, заросший травой, да дубы вокруг. Какой великий по скромности и простоте итог! Но это не поразило меня. Толстой не мог завещать иначе. Мы стоим здесь и чувствуем его присутствие в этих вековых дубах, в этой тишине...

Толстой остается новый и одновременно прежний в каждом поколении. И не зарастет травой забвения тропа к его могиле. Каждый одолеет к ней любое расстояние в тот момент, когда особенно захочется почувствовать себя человеком.

МАКОТО ТОКАНО:

— С творчеством Льва Толстого я познакомился в детстве. Среди классиков русской литературы Толстой — один из самых великих и наиболее читаемых в Японии. Меня всегда восхищало его умение раскрыть внутренний мир человека, понять скрытые причины поступков. Все произведения Толстого очень разные, они демонстрируют непрерывный духовный рост автора, его внутреннюю борьбу.

Посещение дома, где родился, жил и работал русский гений, помогло мне шире взглянуть на его творчество, увидеть истоки того высокого гуманизма, которым исполнены все его произведения. Я увидел землю, на которой вырос этот человек, и ощутил, как велико единство и духовное совмещение его с этой землей.

Новостью для меня было то, что Толстой учил японский язык. Поистине у этого талантливого человека был могучий дух, не знающий пределов.

ГАЛИНА СОКОЛОВА:

— Перед поездкой сюда еще раз перечитала «Войну и мир», чтобы вспомнить все подробности. Я не люблю одиночества, но как прекрасно, что сюда я приехала одна. Чтобы почувствовать здесь Толстого, не нужно экскурсий, нужно просто походить самому, подумать, помолчать. Здесь, в Ясной Поляне, я испытала удивительное чувство узнавания. Казалось, все это уже видела когда-то.

...«Прешпект» я видела зимой. Тогда вдоль него вперемежку с березами росли ели. Снег был расчищен, и горы его образовали коридор: по нему скоро кто-то должен проехать. Но вдруг появляется сердитый старик и велит засыпать дорогу снегом: пусть гость нежеланный не думает, что его тут ждали... Вы знаете эту сцену из «Войны и мира» в усадьбе старика Болконского? А когда я вошла в дом Толстого и увидела портреты его родственников, их тоже узнала — ведь все они есть в романе... И вновь меня захватило непередаваемое обаяние этого произведения. Нравственная чистота его главных героев действенна, она не просто восхищает, но заставляет обратиться к себе, задуматься над своей жизнью. Мне кажется, в этом—большая нравственная сила самого Толстого, и ею пронизаны не только книги его, но и дом, где он жил, и земля, на которой он родился.

Тут удивительная природа! Ясная, чистая красота берез дает успокоение. В темной липовой аллее тебя настигает совсем другое настроение.

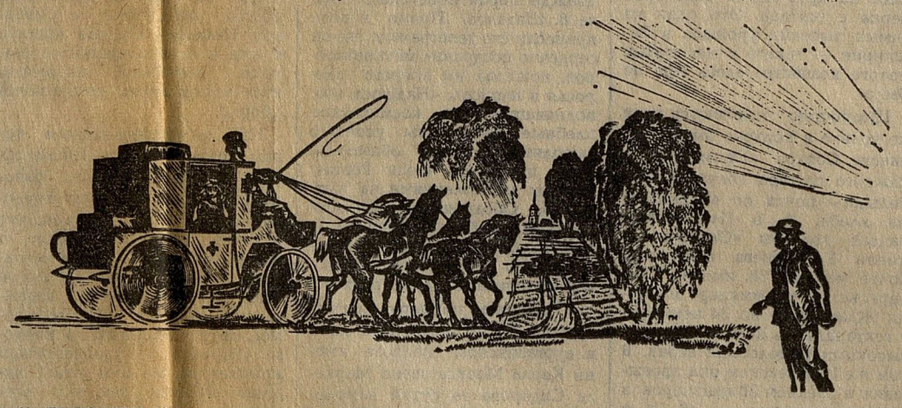
Общение с природой может быть так же насыщенно, как и общение с людьми. И еще одна мысль не покидала меня: что Лев Николаевич вот так же ходил по этим аллеям и тропинкам, и здесь, может быть, к нему приходили те откровения, которые он передал нам в своих книгах...

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЯРЦЕВ:

— Мой путь к Толстому был долог. Я ведь открыл его для себя далеко от этих мест, в Севастополе. Тогда только что закончилась Великая Отечественная война. Я нашел то место, где стоял четвертый бастион, которым командовал Толстой. Я хорошо знал его «Севастопольские рассказы». И там мне вдруг совершенно очевиден стал и его искренний патриотизм, и сила духа, и твердость характера — все, что так необходимо в битве за Родину. Меня породнил с ним один путь сквозь лихую годину, одна судьба — солдата на войне.

Но сейчас, спустя годы, могу сказать, что тогда я лишь почувствовал Толстого-человека, Толстой-мыслитель был впереди. И вот с какой сцены это началось.

Зачем, думал я, зачем после целого моря народной беды он еще и Пьера толкнул в этот ад, заставил пройти этим противоестественным для него кругом? Должно быть, предвидел, что еще грянут войны, и будет душа человеческая метаться меж совестью и виной. Ведь как знал нас, все потаенное, грешное, корыстное. Он всех хотел понять, всех объять крылом своей ясности, любой болью переболеть, любое страдание осознать, и тем нашу жизнь облегчить и очистить. И такой ношей своего сердца не надорвал, оно до последнего часа не уставало болеть и любить.



Н. ПИСКАРЕВ. Из редких иллюстраций к произведениям Л. Н. Толстого. Гравюра на дереве.

БЛИЗКИЙ СЕРДЦУ

Каждый из них служит Ясной Поляне. Только Николай Павлович Пузин дольше других, с января 1944 года, а бывал он в яснополянском доме еще мальчиком при жизни Софьи Андреевны Толстой, был долгие годы дружен со старшим сыном писателя, Сергеем Львовичем, знает лично многих из Толстых и потратил немало лет, чтобы составить прямую родословную потомков Льва Николаевича.

Юлия Клементьевна Федорова появилась в усадьбе Толстого после окончания академии имени Тимирязева в 1953 году. И с тех пор верно служит любимому толстовскому делу — природе Ясной Поляны, ее садам, лесам, лугам. Сначала как старший садовод в 60-х годах она приступила к главной своей заботе — борьбе за сохранение парков, садов Ясной Поляны, когда в свои практически неограниченные права вступила современная промышленная химия. Этой женщине хватило сил, упорства, настойчивости, ума, осведомленности противостоять пагубному натиску современной техники. Она обратилась ко всем поклонникам гения Толстого и добилась создания постоянного общественного совета по охране зеленых насаждений Ясной Поляны. Третий наш собеседник—Марианна Королева. Она студентка Тульского пединститута, будущий историк, закончила Институт общественных профессий по специальности экскурсовод по Ясной Поляне.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ПУЗИН:

— Дом Толстого — удивительный памятник России. И не только потому, что в нем добрых полвека жил и неутомимо до самого последнего земного часа своего творил один из самых больших художников человечества, и не только потому, что по мемориальной ценности, сохранности и полноте вещественной коллекции нет ему подобного в мире, а потому, что к немеркнущей славе, оставленной хозяином, дом прибавил еще несколько достопамятных страниц.

Здесь был М. И. Калинин. И через него, высокого посланца Советской власти, прибывшего сюда с поручением от Ленина, мы как бы по наследству, из первых рук, от самой Софьи Андреевны Толстой, приняли этот дом на вечное хранение и пользование. Коснулась его и всемогущая забота Ленина. Декретом, лично им отредактированным, была узаконена вечная жизнь гнезда толстовского — «с домом его и обстановкой, парком, фруктовым садом, лесом, посадками, луговой, огородной и неудобной землей и надворными постройками». Вот так поразительно лаконично, точно, а главное, чрезвычайно заботливо для того трудного времени была определена будущая судьба Ясной Поляны.

Есть и еще одна страница. В первые же месяцы войны все ценные экспонаты дома были вывезены в Сибирь. Два патриота—Сергей Иванович и Мария Ивановна Щеголевы—остались охранять дом и усадьбу в оккупации и мучительно прожили эти черные дни варварства и вандализма гитлеровцев. Своими глазами они видели святотатство, чинимое на каждом шагу в усадьбе. Дом писателя был превращен в казарму, печки топились мебелью и березами, срубленными в любимом им парке. Возле могилы Толстого было устроено кладбище фашистских офицеров с пышным нарядом могилы фашистского генерала. Отступая, гитлеровцы развели в комнатах дома костры, но Щеголевы, а с ними и все, кто был по соседству, бросились в огонь, сбили пламя и спасли дом Толстого. И что бы ни доказывал потом в Западной Германии фашистский генерал Гудериан, жгли дом Толстого его солдаты, его солдаты святотатствовали на могиле человека, имя которого принадлежит миру.

После освобождения Ясной Поляны буквально через несколько месяцев все было приведено в порядок, и, не дожидаясь, когда вернутся экспонаты, в мае 1942 года Дом-музей Льва Толстого вновь начал работу. И бойцы, отправлявшиеся на фронт, черпали здесь духовные силы. Дом был пустой, рамы висели без холстов. Но ведь и стены иногда помогают. Раз жив дом Толстого — значит жива Отчизна. Ее надо защищать, за нее бороться. Всю войну сражался этот дом, как боец. Через него шли новые и новые солдаты, защитники Отечества, унося с собой во фронтовые дали часть и толстовской веры в силы русского народа, веры в его непобедимость.

А незадолго до Победы мы устроили в доме выставку «Фашисты — разрушители русской национальной культуры», представив на ней свидетельства сознательного уничтожения фашистами не только Ясной Поляны, но и многих других памятников русской культуры мирового значения. Приводили на эту выставку и пленных немецких солдат. Они внимательно рассматривали фотографии руин, куски обгоревших карнизов, мебели, возмущались, охали, ахали, некоторые кричали: «Капут Гитлеру!» А были и те, что безмолвно и злобно проходили мимо...

В мае 1945 года, сразу же после Победы, в дом вернулись экспонаты из Сибири. И вместе с внучкой Льва Толстого, младшей Софьей Андреевной Толстой-Есениной, мы любовно расставляли все на свои места, как это было в день смерти Льва Николаевича в 1910 году. Ведь в доме при жизни писателя были не только вещи значительные — книги, живописные полотна, диваны, столы, кресла, описанные Толстым в своих произведениях, но и была еще огромная масса всяких пустячков—склянок, лекарств, шкатулок, коробок и коробочек, карандашей, многие из них бывали в руках Льва Николаевича и были бережно сохранены его женой. Тем и дорог нам этот музей, что при всей скромности, даже некоторой бедности обстановки он доносит до нас, по-особому чувственно оттеняет страсть и глубину духовной жизни, которой жил писатель.

Но уже пришел тот день, когда пора бы подумать и о микроклимате дома. Экскурсионный поток, постоянно растущий, может с годами привести к утрате толстовского гнезда в его первозданном виде. Это должно заботить всех. Дому-то стоять не один еще век!

МАРИАННА КОРОЛЕВА:

— Каждый день у знаменитых яснополянских ворот с башенками я встречаю гостей Льва Николаевича Толстого и веду их в усадьбу, к дому, где он творил свое бессмертие... И у башенок же, вглядываясь в лица пришедших, я пытаюсь определить: что их привело сюда? Влечение сердца, забота о детях, которых они привезли с собой, благоговение перед гением великого художника, глубокий патриотизм или всего лишь «мода» на путешествия, на паломничество, захватившая теперь и Ясную Поляну? Случается, что все эти лица собираются в одной группе, а бывает — одних больше, других меньше. И, естественно, по-разному складывается знакомство с Ясной Поляной. Мои экскурсии еще не являются духовным открытием Толстого, как это случается, когда их ведет, скажем, наш Николай Павлович Пузин. Но и мне хотелось бы не просто рассказать, где, в каких комнатах какие находятся вещи, а заинтересовать людей узнанным уже здесь, открытым здесь в непрерывной череде дней, проведенных в усадьбе. Но найти, открыть это свое — дело трудное и самое дорогое для меня.

ЮЛИЯ КЛЕМЕНТЬЕВНА ФЕДОРОВА:

— Толстой для нас—великий мастер русского слова, непревзойденный художник земли нашей... Но кто знает, открылись ли бы ему эти тончайшие тайны человека и природы, если бы не любил он родную землю до умиления, до слез, до высшей радости! И это чувство любви его было наполнено неудержимой страстью деятельно преобразовать землю, украсить ее. За долгие годы жизни он буквально изменил облик Ясной Поляны. Из всей его хозяйственной деятельности наибольшие успехи были связаны именно с землей, лесом, садом, лугом, с тем, что он любил всем сердцем, всем существом своим. Он расширил старый яблоневый сад, посадил новый, молодой, огромный. Делал это собственными руками. И любовался, особенно весной, и писал: яблони цветут, словно хотят улететь...

Толстой хотел, хотя бы в миниатюре, воссоздать любимый русский пейзаж. Белоногие пущи берез, затемненные ельники, благоуханный белый цвет майских садов—все, что радует и утешает душу в нашем пейзаже. Он посадил леса на 180 гектарах, из них на 128 гектарах — березы.

Уже в старости он сажает молодые елочки. И рядом с ними торит любимую тропу, и его любимая скамейка—там же, возле разросшихся, упруго стрельчатых елочек. Он глубоко чувствовал природу, знал ее, находил здесь отдохновение в труде, в пеших и конных прогулках. И не случайно признавался, что без Ясной Поляны, то есть без ее природы, временных смен года, ему было бы трудно представить Россию и полюбить ее до пристрастия... Толстой жизнью своей, своей литературой, своей неистребимой любовью одухотворил природу Ясной Поляны, русскую природу.

Вот почему забота о Яснополянской усадьбе, ее лесах, садах — забота особая, гражданская и патриотическая для каждого советского человека. И создание нашего отдела по охране зеленых насаждений — мера в сегодняшних условиях необходимейшая. Да, природе Ясной Поляны только самой все труднее и труднее справляться с напором НТР. И уже нужны помощь людей и даже специальные меры. Они уже приняты. Но эффективность их должна быть несоизмеримо выше. Всякое решение по Ясной Поляне должно восприниматься как дело чрезвычайное, требующее немедленных, безотлагательных мер. Патриот сегодня не только тот, кто любит творчество Толстого, но и тот, может быть, прежде всего, кто заботится и думает о великом духовном воздействии созданного им на небольшом участке земли, названном Ясной Поляной. То, что не может сберечь каждый отдельный человек, в наших условиях может сберечь народ. И Ленин думал именно об этом, когда настойчиво проводил декрет о сохранении Ясной Поляны такой, как она осталась на день ухода из жизни Толстого. И мы можем и должны доказать, что как для Ленина в тех труднейших условиях забота о духовном была первейшей, так и тем более сегодня нет ничего выше, чем наши духовные источники.

Страницу подготовили З. ГОРЧАКОВА, Н. КОЛЕСНИКОВА, А. ЛАРИОНОВ.